

Г Л Е Б С О К О Л О В

"В И Х Р Ь П Р Е И С П О Д Н Е Й"

Р О М А Н

**copyright©Соколов Глеб Станиславович Все права
защищены**

Загадочному величию ГС посвящаю

Часть первая

Карусель в парке отдыха

Глава I

История, приключившаяся из-за потерянных ключей

Был уже тот момент, когда, кажется, кругом, - в запыленных деревьях начинавшегося сразу за проезжей частью парка, в каменных ступенях, что вели внутрь подземного перехода, в крашенных белой краской кузовах автобусов и множестве торговых лотков под разноцветными тентами, даже, кажется, в самом плотно тянувшемся по шоссе в обе стороны потоке машин чувствовалась усталость от целого миновавшего дня. День, рабочий день был уже почти закончен, миновал. Усталость! Усталость! Усталость!.. Народищу кругом - море, особенно здесь. Народищу усталого, озлобленного, недоброго, раздраженного, тупого, гнилого, пошлого, нехорошего, усталого, замученного, замордованного, затравленного, наглого, самодовольного и при этом одновременно чего-то постоянно побаивавшегося.

А в этот день, как и в несколько предыдущих дней, больше всего на устах у народа была одна тема - жуткие террористические акты, которые произошли совсем недавно. Акты! Жуткие акты! Жуткие акты!

"Террористические акты!.. - несло из палаток и кафе. Там работали радиоприемники и маленькие телевизоры. - Террористические акты! Жертвы!

Смерть!..

Про смерть было интересно. Говорят... (так говорят знающие специалисты) "про смерть" людей вообще очень интересуется. Едва ли не самая интересная тема. Ну а по большому-то счету - чего там интересного?! Тема, как тема. Смерть она на то и смерть, чтобы от нее... Чего там интересного?! Но все равно, увлекает. Каждый находил в чужой смерти что-то ему близкое, увлекательное, значительное, обещавшее некие перспективы или, наоборот, ничего доброго не обещавшего, но щекотавшее нервишки, а кому-то и позлорадствовать - удовольствие.

Усталость! Усталость! Усталость!

Из каждого окна что-нибудь несло, из каждого телевизора, из каждого радиоприемника, из каждого торгового павильончика, где играло какое-нибудь радио, - отовсюду неслись новости, новости, новости!..

Слава богу, шум от ехавшего по улице транспорта был такой, что заглушал очень многое, иначе бы от этих новостей просто можно было бы оглохнуть.

"Совет безопасности ООН обсуждает недавние террористические акты" - это из окошка притормозившего у тротуара, чтобы высадить пассажира, такси.

Кругом были одни террористические акты!.. По крайней мере, такое создавалось впечатление.

Впрочем, пьянице, который сидел на ступеньках входа в подземный переход, было все ни по чем. Возможно, он даже и не слышал ни про какие террористические акты, - сейчас он сидел,

согнувшись пополам, и то ли пытался разглядеть что-то, что лежало на камне ниже в пыли, то ли просто спал. Вид этого пьяницы был пошл, но ничуть не пошлее, чем было и все остальное на этой улице и этой площади: запыленные постройки, дешевенькие кафешки, измученные прохожие.

Два мужчины: один в коричневом костюме, другой в темно-синем пиджаке и серых брюках стояли на другой стороне улицы у точно такого же входа в подземный переход и беседовали. Там уже было преддверие Измайловского парка: много зелени, идущие в парк и из парка люди, хотя, впрочем, народа было значительно меньше, чем совсем рядом, у станции метро одноименного с парком названия.

- Эх, замечательная обстановка! - проговорил один из них, тот, что был в коричневом костюме, измятом до неприличия. - Слушай, Павел! - продолжил он, обращаясь к второму, другому, что был в темно-синем пиджаке. - От меня исходит такое количество информации, я просто засоряю линии связи и чужие компьютеры диким количеством информации, я произвожу ее сегодня в невероятном количестве, я отправил сегодня около двух сотен всевозможных писем по разным адресам и, представь, я испытываю от этого огромное удовольствие!..

- Это маразм! Это идиотизм!.. - ответил несколько мрачно второй, что был в темно-синем пиджаке и серых брюках.

- Э нет, не скажи! - не согласился человек в измятом коричневом костюме. - У меня вызывает огромное удовольствие, что вот я, в очень короткое время, благодаря современным электронным технологиям, отправил свой посыл, свою информацию, свое "я" стольким людям! И это все практически одновременно, в какой-то ничтожно малый промежуток времени! Это наполняет меня какой-то особенной радостью.

- Ты просто засоряешь их почтовые ящики, - по-прежнему мрачно заметил его собеседник в темно-синем пиджаке и серых брюках.

- Но это неважно, что засоряю. Главное в том, что это я засоряю. Я, а не кто-нибудь другой! - проговорил в неожиданно нашедшей на него ярости человек, одетый в измятый коричневый костюм. - Мне хочется засорять собой окружающий мир все больше и больше, больше и больше! Я хочу, чтобы все вокруг было полно мной!.. К тому же, ты не понимаешь: если мы не станем этого делать, это станут делать другие. Если мир не будет засорен информацией, которая будет исходить от нас, он будет засорен информацией, которая будет выплеснута в него другими. Дело вовсе не в том, про что эта информация, и в чем ее смысл, дело в том, сколько этой информации, и от кого она исходит. В этом заключается суть дела!

Тут с человеком, одетым в измятый коричневый костюм, произошла странная перемена: казалось, из него вдруг вынули некий находившийся в нем до этого стержень. Человек в измятом коричневом костюме сразу ссутулился, поник, понурил голову, проговорил:

- Нет! Это невозможно! Я дурею от всего этого!.. Я дурею от всей этой жизни...

- Уймись, успокойся, - перебил его второй. - То, что ты дуреешь от всего этого и от этой жизни - совершенно неважно, и никого не интересует. Хотя я и назвал создание информационных потоков идиотизмом, но ты правильно сказал: нам действительно надо их создавать... Вот это - важно, и это будет кого-то интересовать. Хотя я и не откажусь от своих слов про то, что это занятие полно идиотизма. А

то, что ты дуреешь от такой жизни - это не важно, поскольку при этом ты, как и я, все-таки создаешь информационные потоки...

- Которые мы создаем наравне с другими идиотами... - продолжил его фразу тот, что был одет в измятый коричневый костюм. - Действительно, информационные потоки создавать надо. Но те, кто их создает - в большинстве своем - идиоты! И это самое ужасное! Мы живем в окружении идиотов. Самая ужасная черта нашего положения - это постоянная жизнь в окружении идиотов. Большинство людей не так умны, как хотелось бы. Но именно благодаря тому, что они тупы, и существуют эти самые информационные потоки. Но я не могу в этом участвовать!.. Я дурею от этого, я схожу от этого с ума! Постоянное соприкосновение с идиотами для нормального человека убийственно. Мозг нормального человека выдержать этого не может. Но большинство людей - вовсе не нормальны! Нигде нет нормы, ни в чем нет нормы. А в отсутствие нормы стремиться к каким-то идеалам совершенно бессмысленно. Ведь это будут идеалы только для себя. А для чего мне одному идеалы? Я хочу служить обществу. Но обществу не нужно мое служение. Обществу, похоже, и так хорошо. Вообще, никому ничего не нужно! Я никому не нужен! У меня есть какие-то мечты, но они кажутся всем смешными! Они мне самому кажутся смешными! Кому это сейчас нужно?! Кого это может сейчас тронуть?! Обществу и так хорошо. Людям ничего не нужно. Я никому не нужен. Кому это сейчас нужно?! - упорно повторял он.

Человек в измятом коричневом костюме, похоже, расхотелся все больше и больше, так что его собеседник был вынужден положить ему руку на плечо и затем увлечь за собой дальше по широкой асфальтированной дороге, что вела вглубь парка. Они медленно двинулись туда, где была гуще зелень, людей - меньше, парк затягивал их в себя все бесповоротней и бесповоротней.

- Ты не должен так выходить из себя, - говорил при этом тот, что был одет в темно-синий пиджак и серые брюки тому, что носил измятый коричневый костюм. - То, что ты станешь выходить из себя, тебе ничего не даст. Сейчас у тебя... У нас совсем другие дела. Итак, сейчас мы ждем прихода информации... По интересующему нас поводу. А именно - прибытие машины на замену той, что уже имела несчастье сломаться, пока мы мчались на ней с этих дурацких, совершенно нам не нужных... Я имею ввиду лично нам с тобой не нужных переговоров... Которые, тем не менее, крайне нужны нашему начальству и нашей транснациональной корпорации, - последние слова человек в темно-синем пиджаке говорил уже вслед тому, что был в измятом коричневом костюме, потому что тот, не дослушав, развернулся и пошел обратно к дороге.

Дело в том, что эти двое были сотрудниками размещавшегося в Москве представительства одной из крупных транснациональных корпораций. Для поездки на важные переговоры представительство заказало им в прокатной фирме автомобиль с шофером. И вот, когда они уже возвращались через весь город с этих самых переговоров, как раз напротив Измайловского парка в прокатном автомобиле что-то сломалось, и он встал, едва шофер успел подрулить к обочине. Они было уже приготовились ехать дальше на метро, но не учли при этом того, что, к их счастью, все прокатные автомобили этой фирмы были оборудованы системой радиосвязи. Шофер попросил диспетчера, чтобы тот срочно выслал к месту поломки другой автомобиль, который бы довез пассажиров до офиса. Как назло, свободных автомашин в этот момент не оказалось, но были такие, которые,

предположительно, должны были вот-вот освободиться. Диспетчер стала связываться с их водителями, при этом то и дело выходя на связь с водителем сломавшегося автомобиля. Найти замену сломавшемуся автомобилю почему-то никак не удавалось...

Постояв некоторое время в одиночестве, человек в темно-синем пиджаке медленно побрел следом за тем, что был одет в измятый коричневый костюм. Когда он вышел к проезжей части, к нему подошел водитель сломавшейся прокатной автомашины и проговорил:

- Этот ваш товарищ совершенно обалдел со всеми его информацией... Только что он подошел к кафе и спросил, нет ли у них где-нибудь там телевизора.

- И что же ему ответили? - поинтересовался человек в темно-синем пиджаке.

- Есть!.. У них там был телевизор, и они ему сказали, что телевизор у них есть.

- А он что?

- А он попросил их разрешить ему посмотреть, но они ему отказали. С какой это стати он будет у них там сидеть перед телевизором и смотреть?!.. - водитель сломавшейся прокатной машины явно не одобрял поведения человека в измятом коричневом костюме.

- По-моему, зря они ему отказали. Ничего бы не случилось, если бы он у них там в кафе посидел и посмотрел телевизор, - заметил человек в темно-синем пиджаке, доставая из его внутреннего кармана пачку дорогих сигарет.

- Да нет, знаете ли, он вокруг себя такой психологический резонанс создает, что просто никак невозможно такое выносить!.. - не согласился шофер. - Я бы на их месте поступил точно так же.

- Да, но у меня точно такое же состояние... - проговорил человек в темно-синем пиджаке, вынимая из пачки сигарету и закуривая.

- Ну... Я не знаю... - шофер отвернулся и пошел обратно к своей поломанной машине, стоявшей у обочины.

Тем временем, к спокойно курившему сотруднику транснациональной корпорации подошел его коллега, одетый в измятый коричневый костюм. Подошедший достал из кармана несколько страничек бумаги, на которых был распечатан "чат" с одной из страниц всемирной паутины и принялся читать.

Там, в чате было написано:

"Привет, ребята, откликнитесь, если есть кто-то с каруселей!

Каких еще каруселей, что за ерунда?!

А ты кто?

Я ... Нет, я серьезно, что еще за ерунда - с каруселей? С каких это еще каруселей?

Эй, народ, откликнитесь, кто есть с каруселей?

Нет, я что-то не въезжаю, что это за тип тут появился и какие тут еще могут быть карусели?" - на этом содержание первой странички заканчивалось.

- Что это за бумажки? - спросил, показывая рукой на распечатки, человек в темно-синем пиджаке у того, что был одет в измятый коричневый костюм.

- Да это так... Я интересуюсь темой каруселей, - ответил тот.

- Темой каруселей?.. - задав вопрос, человек в темно-синем пиджаке медленно выпустил из легких сигаретный дым.

- Да, темой каруселей.

Человек в измятом коричневом костюме перестал читать и задумался. Он размышлял о том, что может произойти, когда информационные потоки однажды вдруг иссякнут. А в том, что они обязательно иссякнут, он почему-то был уверен. Причем, как ему казалось, иссякнуть они должны при каких-то очень ужасных обстоятельствах. После того, как случится некая огромная беда... Со всем миром, со всем человечеством.

- Ну так что? - проговорил тот, что был в темно-синем пиджаке и серых брюках. - Нам надо как-то срочно добираться обратно в офис. Иначе Глава нам устроит!..

- Да... - и через паузу:

- Так чего же мы в таком случае ждем?! - воскликнул другой, который был в измятом коричневом костюме.

- Черт с ним со всем!.. - неожиданно сказал в сердцах тот из двоих, что был одет в темно-синий "клубный" пиджак и светло-серые брюки. - Плевать на гнев начальства и все остальное! Давай используем это вынужденную паузу, чтобы хоть чуть-чуть прогуляться по парку. Я, честно говоря, здесь вообще ни разу в жизни не был. Хоть посмотрю, что это за Измайловский парк такой!

- Да, пойдем погуляем, - тут же согласился второй, словно он и не удивлялся только что тому, что они не спешат обратно в офис. Ему, видимо, тоже представилась заманчивой перспектива немного прогуляться в рабочее время. Так сказать, "за счет фирмы".

Они направились вглубь парка. Сначала они еще раз прошли мимо каких-то больших информационных панно, рассказывавших о том, что есть в этом парке: лодочная станция, карусели и прочее в этом же роде, потом они пересекли трамвайные пути и оказались уже собственно на территории парка.

- Да, информационные потоки просто огромные! От них некуда деться. Такого изобилия информации еще никогда не было! - заметил человек в темно-синем пиджаке скорее для того, чтобы просто поговорить о чем-то, а не потому, что ему действительно хотелось обсудить сейчас именно эту тему.

Но вот его коллегу в измятом коричневом костюме тема информационных потоков интересовала до крайности, - он тут же с жаром проговорил:

- А знают ли они, эти несчастные идиоты, что они творят и к чему они могут сами себя подвести?!..

Горячность товарища поразила человека в темно-синем пиджаке. Он переспросил:

- Какие еще несчастные идиоты?!

- Те, что создают информационные потоки, полные нездоровой бессмыслицы, - тут же ответил человек в измятом коричневом костюме. - Эти идиоты словно никогда не слышали про то, что все в природе находится в равновесии. И если сегодня информационных потоков слишком много, то завтра их может оказаться слишком мало. И сразу возникает вопрос: что же такое должно произойти, чтобы завтра информационных потоков вдруг стало очень мало после такого изобилия?.. Что-то действительно ужасное. И в какое отчаяние должен будет тогда впасть человек, после того, как он имел вокруг себя столько информационных потоков, как сейчас, а потом вдруг информации стало очень и очень мало?!.. Самым ужасным и самым определяющим фактором станет тогда в жизни человека и человечества эта информационная тишина.

Человек в измятом коричневом костюме на мгновение замолк, ему захотелось послушать тишину, которая должна быть в парке отдыха, - иначе что же это за парк отдыха?!

Действительно, шум города сюда почти не доносился. И если бы не тарахтение различного за деревьями метрах в пятидесяти от места, по которому они шли, садового трактора, здесь было бы совсем тихо.

Нигде не видно было ни одного человека. Вдруг трактор смолк... Тишина...

- Вот такая тишина станет самым определяющим фактором как в жизни одного отдельного человека, так и всего человечества, - мрачно подытожил сотрудник транснациональной корпорации, одетый в измятый коричневый костюм.

- Ладно, не нагоняй тоску! - весело проговорил его коллега, которому в парке, кажется, нравилось настолько, что настроение его заметно поднялось. - Все кругом очень радостно и очень прекрасно. И слава богу - информации пока вокруг нас полно!

- Да, полно, - согласился человек в измятом коричневом костюме. - Но вот беда - вся эта информация какая-то муторная и совершенно никому не нужная. И если и производит она какое-то действие, то очень уж мрачное, очень какое-то неконструктивное и не положительное оказывает она воздействие!

Тем временем сотрудник транснациональной корпорации в темно-синем пиджаке извлек из кармана мобильный телефон, внимательно посмотрел на дисплей, нажал на одну из кнопок, поднес телефон к уху, несколько долгих мгновений что-то там слушал, потом отнял телефон от уха и нажал на другую кнопку. Положил телефон в карман. Тут-то он и зазвонил. Причем препротивно зазвонил. Тот, что был в темно-синем пиджаке, вновь полез в карман за мобильным телефоном...

- Пришла информация, что надо ехать!.. - проговорил человек в темно-синем пиджаке после того, как выслушал что-то по телефону.

- Странно, а у меня на пейджер пришла совсем другая информация: что, наоборот, не нужно двигаться с места, а нужно ждать, - заметил тот, что был в измятом коричневом костюме. Пока человек в темно-синем пиджаке общался с кем-то по телефону, он успел вынуть из кармана маленький изящный пейджер и, понажимав кнопки, прочел что-то с его экрана.

- Нет, надо ехать! Информация заключается в том, что надо ехать! - возразил человек, одетый в темно-синий пиджак и серые брюки.

Тут же он достал из кармана маленький радиоприемничек, неизвестно как в нем помещавшийся вместе с мобильным телефоном, щелкнул выключателем и принялся слушать новости, которые как раз в этот момент передавали, - было начало часа.

- Эх, информация! Куда ее девать?!.. - проговорил тот, что был в темно-синем пиджаке радостно после того, как полностью прослушал весь выпуск, включая сводку погоды по всем регионам страны.

Между тем, они зашли в самую глубину парка. По сторонам они разглядывали настоящие чащобы: густые заросли кустарников, высокие деревья, а у их подножия - полог из разнообразных трав. Минуты шли стремительно...

Тот, что был в измятом коричневом костюме, сжимал в руке свою распечатку чата из Интернета и то дело нагибался, чтобы поднять с земли какую-нибудь валявшуюся там веточку. Подняв, он некоторое время помахивал ей, а потом бросал обратно на землю.

Через какое-то небольшое время по тенистым аллеям прозвучали их быстрые шаги, - ведь они получили сообщение от шофера, и они направлялись к тому месту, где стоял возле обочины тот самый прокатный автомобиль, на котором они возвращались с переговоров. Там их уже ожидала другая, прибывшая на смену поломанной, машина. Оба сотрудника крупной транснациональной корпорации нырнули в эту машину и через некоторое время благополучно оказались у себя в офисе.

А еще через некоторое время тот сотрудник транснациональной корпорации, который в этот день был одет в измятый коричневый костюм, обнаружил, что ключей от сейфа при нем нет. О, это была целая история с этими ключами от сейфа!.. Дело в том, что в офисе московского представительства транснациональной корпорации в кабинете Главы стоял большой сейф. Глава представительства требовал от начальников отделов, чтобы все оригиналы торговых контрактов они складывали в этот сейф. Для этого начальнику отдела нужно было зайти в кабинет к Главе представительства и попросить его разрешения положить документы в сейф. Глава представительства доставал из кармана ключи, подходил к сейфу, стоявшему возле его стола, долго возился с замком, отпирали тяжелую дверцу и отходил в сторону. После этого начальник отдела сам клал свои бумаги в сейф, и после этого Глава запирали дверцу.

Сегодня перед поездкой на переговоры сотруднику транснациональной корпорации, который был в измятом коричневом костюме, понадобились несколько документов, что лежали в том самом сейфе. Начальник отдела был в отпуске, а глава представительства заседал на некоем важном совещании. Делать было нечего: сотрудник в измятом коричневом костюме тихонько зашел в большую комнату, где проходило важное совещание, и, извинившись, попросил у главы представительства ключ от сейфа, чтобы взять документы, а ключ тут же принести обратно. Глава представительства без особой охоты дал сотруднику в измятом коричневом костюме ключ и строго посмотрел на него. Затем прошептал ему на ухо цифровой шифр (для того, чтобы отпереть дверцу одних только ключей было недостаточно. Надо было еще знать цифровой шифр, который набирался особыми тумблерами).

Надо заметить, что в некоторых, весьма особенных случаях, Глава представительства позволял начальникам отделов пользоваться сейфом и без того, чтобы самому стоять рядом. Он им доверял. Тем более, что в сейфе было два отделения, и одним из них пользовался только сам Глава представительства. Но как бы там ни было, хотя сотрудник в измятом коричневом костюме начальником отдела не был, но доверие было оказано и ему.

Провозившись с замками сейфа немалое время, сотрудник корпорации в измятом коричневом костюме наконец-то извлек из сейфа свои документы, потом еще некоторое время повозился с замками, теперь уже запирая сейф, и в итоге, когда он принес ключи обратно в большую комнату, где проходило совещание, то обнаружил, что совещание уже закончилось, а Глава представительства куда-то ушел. От одного из сотрудников корпорации, который собирал с огромного круглого стола какие-то бумаги, тот, что был в измятом костюме узнал, что Глава представительства отправился с участниками совещания на торжественный обед в один блиزرасположенный ресторан...

Вот так и получилось, что сотрудник корпорации, одетый в измятый коричневый костюм, растерялся и прихватил с собой на

переговоры ключи от сейфа представительства. Когда он наконец вернулся с переговоров, то обнаружил, что ключей от сейфа в кармане больше нет. Единственное предположение, которое при этом возникло в его голове, было о том, что ключи от сейфа выпали у него из кармана где-то в Измайловском парке, когда он нагибался во время прогулки к земле, чтобы поднять с нее какую-нибудь веточку.

Не дожидаясь, когда к нему подойдет Глава представительства и попросит вернуть ключи от сейфа, человек в измятом костюме спустился с этажа на котором располагался офис их корпорации вниз, выбежал из подъезда на улицу, поймал такси и отправился обратно в Измайловский парк, искать ключи... Он примерно помнил маршрут, которым они с коллегой в темно-синем пиджаке шли по парку. Был уже конец рабочего дня. Сотрудник в измятом коричневом костюме ужасно нервничал и даже не совсем отдавал себе отчет в том, что он делает...

- Я хочу, чтобы все вокруг было полно мной!.. - повторял про себя сотрудник в измятом темно-коричневом костюме, пока бежал ко входу в парк. Он миновал преддверие парка, очень зеленое, со множеством деревьев и разросшихся кустарников, большие информационные щиты, на которых крупными (так, чтобы было видно издали) синими буквами были расписаны все прелести, которыми мог порадовать Измайловский парк заглянувших в него ярким солнечным днем человечков.

Ярким солнечным днем! Но уже был не день, хотя и порядочно времени оставалось до захода солнца. Ну так и что ж? И вечером в Измайловском парке бывает достаточно много разного народа.

"Вот и на этом стенде должен быть тоже я!" - подумал человек в измятом коричневом костюме, глядя на этот стенд.

"Здесь кругом должен быть я!" - думал он. Впрочем, нет... "Думал" - это значит, что человек в измятом коричневом костюме очень много думал именно про это, именно про то, что кругом должен быть он. Но на самом деле так не было: он должен был найти ключи, он нервничал, он непрестанно смотрел себе под ноги, он пытался вспомнить во всех подробностях, каким маршрутом они шли, по какой стороне аллеи, где он нагибался, чтобы поднять с земли веточку... Черт возьми, разве мыслимо ли это - вспомнить такие подробности! Пусть даже прошло времени меньше двух часов.

Ключи, конечно же, не находились. Никак, упорно, назло не находились, несмотря на то, что сотрудник транснациональной корпорации в измятом коричневом костюме все дальше и дальше брел тем маршрутом, которым они не так давно двигались по парку вместе с коллегой в темно-синем пиджаке.

Когда человек в измятом коричневом костюме прошел вдоль всего маршрута один раз, он подумал, что нет ничего странного в том, что он не нашел ключи. Ведь он прошел маршрут только один раз. Всего один раз! Этого не достаточно, потому что в этот один единственный раз можно и пропустить ключи, которые при этом, вполне вероятно, валяются где-то на самом видном месте. А он их просто не заметил! Надо вернуться обратно в исходную точку, ко входу в парк и, возвращаясь, все так же внимательно смотреть себе под ноги... Он понимал, что это нелепо и глупо: ходить туда-сюда по парку и разглядывать дорожки. Но человек в измятом коричневом костюме настолько расстроился из-за того, что он потерял ключи от сейфа представительства, что был совершенно не в состоянии взять себя в руки: каждому знакомо это чувство - с одной стороны уже знаешь, что все, наверняка, бесполезно, что не на что больше

надеяться, что надо остановиться, а с другой стороны, все продолжаешь и продолжаешь упорствовать, и на душе от этого все тоскливее и тоскливее.

Пройдясь по третьему разу вдоль всего маршрута их с коллегой прогулки, человек в измятом коричневом костюме решил схитрить - зайти в маленькое кафе, приютившееся в одном из уголков парковой чащобы.

Он решил, что посидит в кафе некоторое время, постарается успокоиться, подумает. Это и не будет полусумасшедшим хождением по одному и тому же маршруту, но и из парка он, тем не менее, не уйдет, а значит, еще не... пока еще не наступит момент окончательного расставания с надеждой найти утерянные ключи и тем самым спастись от ужасной неприятности. Его немного пугало это маленькое парковое кафе, довольного убогое снаружи и, вполне возможно, таившее внутри какие-нибудь опасности для случайного посетителя. Что за люди могут быть там, внутри, что за посетители?.. Впрочем, он надеялся, что никаких посетителей там нет.

Так оно и оказалось: он вошел в кафе, в маленьком зальчике было совершенно пусто, никого из obsługi тоже видно не было. Он сел за ближайший к двери столик, но к нему так никто и не вышел. Он мог сидеть и смотреть через окно на парк.

Такого с ним еще не случалось! Такой рассеянности: потерять ключи от сейфа представительства! Должно быть, он переутомился с этими впечатлениями от ужасных террористических актов. От слишком сильных впечатлений зашел ум за разум, он перестал вообще что-либо соображать, стал невнимателен, выронил ключи... Как в страшном сне в эти мгновения перед окном проплыло невыразимо жуткое лицо двигавшегося вдоль фасада кафе человека. Человеку в измятом коричневом костюме трудно было бы выразить словами, чем ужасно это лицо: не своими ли размерами? Оно было очень маленьким, словно бы детским. Но с другой стороны - это было лицо не ребенка, а мужчины, но и не карлика. Смертельно бледное, с большими темными глазами. Они смотрели куда-то вдоль фасада. Лицо прошло перед окном... и все.

Человек в измятом коричневом костюме сидел не шевелясь.

Раздалось какое-то звяканье железа об железо - со стороны двери. Он расслышал следом звук проворачиваемого в замке ключа. Раз, два... Потом наступила тишина... Человек в измятом коричневом костюме по-прежнему сидел не шевелясь... Ветви деревьев в парке перед окном болтались из стороны в сторону. Дул ветер, но звук его сюда не проникал. Где-то не так далеко отсюда застыли, должно быть, лошадки разрисованных разноцветными красками каруселей. Веселые, радостные детские лошадки. Каруселька!.. Веселая и радостная каруселька его детства! Что-то невыразимо тоскливое должно было быть в этот момент в тех самых карусельках, которые были совсем неподалеку отсюда. Он не придет на них, не залезет на лошадку - она слишком маленькая, а он теперь слишком большой, чтобы кататься на такой маленькой детской лошадке.

Человек в измятом коричневом костюме умер от разрыва сердца, который случился от ужаса, который он испытал, когда увидел вдруг в паре метров от себя за окном невыразимо страшное, мучительное, невообразимое лицо. Он и без того переутомился сегодня из-за сильных впечатлений, которые были связаны с жуткими террористическими актами, потом он потерял ключи, и это добавило острых ножей, которые пронзили его сердце, потом он бежал туда сюда по маршруту, которым они гуляли, - искал ключи, потом

зашел в кафе, посидел немного, увидел лицо, посидел вмиг и умер. Седой мертвец сидел за столиком. А где-то не так далеко отсюда закружились вдруг без пассажиров карусельки его детства, размаленные разноцветными красками. Но он на них больше не залезет.

Человек в измятом коричневом костюме на самом деле не умер от разрыва сердца. Но мысль о том, что он мог посидеть и умереть от разрыва сердца, прошла в его голове... Он не мог преодолеть собственного оцепенения. Лицо потрясло его! Что это было?!.. Господи, где он?! Почему он здесь?! Что это за место? Кафе? Почему так пусто? Что это за лес за окном?

Он, кажется, терял на мгновение сознание. Почему?

Человек в измятом коричневом костюме потер виски руками. Тут он вспомнил про ключи, парк, кафе, звук ключа, проворачиваемого в замке. Он вскочил со стула и подлетел к двери, задергал за ручку. Тщетно!

Дверь была заперта. Та дверь, та самая дверь, через которую он вошел в кафе, теперь была заперта!

Должно быть, страшное лицо сейчас войдет в зальчик кафе откуда-то из внутренних помещений. Человек в измятом коричневом костюме схватил стул, на котором он только что сидел и, стоя спиной к запертой двери, приготовился защищаться. Он не мог, конечно же, понять, что происходит, но то, что он будет обороняться отчаянно и упорно - в этом он был сам за себя уверен.

Так, держа в руках стул, он простоял довольно долго. Из внутренних помещений кафе не доносилось ни шороха. В зальчике, который и без того был не очень светлый, стало еще темнее. Темнело на улице. Ветер утих, деревья парка, - он видел это в окно, - стояли без движения. Тут он почувствовал, что еще немного - и его всего от страшного напряжения сведет какая-нибудь ужасная судорога. Он по-прежнему крепко сжимал в руках стул, - импровизированное оружие защиты, - поза его была неестественна и неподвижна. Должно быть, он дико смотрелся сейчас один в пустом темном кафе, со стулом в руках, приготовившийся обороняться, - знал бы кто-нибудь на работе, где он сейчас и что делает!.. Должно быть, Глава представительства уже не мечет в его адрес громы и молнии, должно быть, все уже просто ужасно недоумевают - что случилось и куда, а главное, по какой причине, он пропал?!.. Свой пейджер он оставил в офисе и связаться с ним было никак нельзя. Впрочем, все уже, наверное, - по крайней мере, большинство сотрудников, - уже разошлись по домам.

Тут он сообразил, что сегодня утром забыл на полочке в ванной свои наручные часы, теперь ему даже неоткуда узнать, который час.

Человек в измятом коричневом костюме поставил стул на пол. И тут же, испытав дикий ужас, схватил его вновь: а что, как страшное лицо где-то там, в недрах кафе, стоит и только и ждет того момента, когда он расслабится, чтобы напасть?.. Еще некоторое время, впрочем, уже не так долго, как до этого, он стоял со стулом, изготовившись для отчаянного боя с загадочным и непостижимым противником. Время же шло и шло. Становилось темнее. Причем все заметней и заметней... Это были сумерки... День был закончен. Он был в каком-то оцепенении.

- Если я сейчас останусь здесь, - проговорил вслух человек в измятом коричневом костюме, и голос его прозвучал глухо. - То совсем скоро буду здесь в полной темноте. Стоп! А может быть, ужасное лицо только и ждет наступления темноты? В темноте обороняться мне будет еще тяжелей и ужасней.

Он знал, что звуки собственного голоса придадут ему храбрости. Действительно, они словно вернули его к реальности: что ему стоять, как идиоту, со стулом наизготовку?! Надо выбираться из кафе. И, действительно, в полной темноте сделать это будет непросто. Надо спешить, пока еще хоть что-то видно.

Преодолевая ужас, он поставил стул на пол и шагнул в сторону внутренних помещений кафе... Медленно прошел за прилавок, толкнул дверь - она открылась...

Человек в измятом коричневом костюме оказался в заставленной какими-то коробками комнатке. Впрочем, было видно, что спрятаться в этой комнатке никто не может, - слишком эта подсобка была небольшой по размерам. Из нее он попал в кухню, - там тоже, среди плит и столов, он никого не обнаружил. Из кухни он зашел в еще одну подсобку, где было очень темно. Стараясь не сойти от страха с ума, он наткнулся на дверь, лихорадочно зашарил по ней руками, неожиданно быстро нащупал засов, дернул - засов легко поддался, хотя был внушительного размера, тяжелый. Толкнув дверь, человек в измятом коричневом костюме оказался на свежем воздухе. У него еще хватило самообладания и мужества, чтобы аккуратно и тихо притворить за собой дверь, но уже в следующее мгновение он ощутил себя опрометью бегущим невесть куда по темным аллеям парка. Было уже почти совсем темно. Он еле-еле успел выбраться из кафе до наступления полной темноты.

Господи, как хорошо сейчас в чистом и светлом офисе, где есть телефоны и факсы, и компьютеры и связь через Интернет! И должно быть, еще не все сотрудники разошлись по домам, - сидят, корпят над своими бумагами те, кому незачем спешить домой или те, кто хочет выслужиться перед начальством!.. И не иссякли, должно быть, еще до конца дневные информационные потоки, и Глава представительства, наверняка, сейчас безумствует над запертым сейфом и названивает сотруднику в измятом коричневом костюме домой. И у того в маленькой съемной квартире в районе метро "Речной вокзал" то и дело включается автоответчик: "К сожалению, сейчас меня нет дома... Не могли бы вы..." - звучит его записанный на магнитную ленту голос, перебивая звук тоненькой струйки воды, текущей из неисправного крана в мойку на оставленные там после завтрака грязную тарелку со следами томатного соуса, вилку, нож.

Человек в измятом коричневом костюме, наконец, смог перейти на шаг. Как уютно сейчас в Интернете: какой светлый и понятный сейчас экран его любимого компьютера, а в нем - красивые и нестрашные сайты! И даже террористические акты казались ему сейчас приметами далекого и нестрашного мирного времени. Где же он оказался?.. Ну в парке-то он не заблудится! Вон там видны огоньки высоких зданий, сейчас он сориентируется и пойдет в нужную сторону. Главное, не нарваться на каких-нибудь плохих людей, которые, конечно же, могут быть в парке ночью... В это мгновение он услышал шаги и голоса.

Странно, но на этот раз он совершенно не испугался (или уже был к этому моменту так перепуган, что дальше пугаться было некуда?). Он расчетливо и бесшумно сошел с аллеи в сторону и спрятался за густыми кустами, которые росли в этом месте по сторонам. Глаза его уже успели привыкнуть к темноте, он напряженно прислушивался...

Большая, мрачная, угрюмая, сюрреалистическая ложь

Два человека остановились как раз напротив кустов, в которых прятался человек в измятом коричневом костюме и стали разговаривать:

- Эх, замечательная обстановка! - проговорил один из тех двоих, что остановились. В темноте человек в измятом коричневом костюме не мог различить их лиц, да и голоса их доносились до него лишь едва. Впрочем, напрягаясь, он мог расслышать все слова. - Слушай, Павел! - продолжил один из тех двоих, что остановились, обращаясь ко второму, другому. - От меня исходит такое количество информации, я просто засоряю линии связи и чужие компьютеры диким количеством информации, я произвожу ее сегодня в невероятном количестве, я отправил сегодня около двух сотен всевозможных писем по разным адресам и, представь, я испытываю от этого огромное удовольствие!..

- Это маразм! Это идиотизм!.. - ответил несколько мрачно второй.

- Э нет, не скажи! - не согласился первый. - У меня вызывает огромное удовольствие, что вот я, в очень короткое время, благодаря современным электронным технологиям, отправил свой посыл, свою информацию, свое "я" стольким людям! И это все практический одновременно, в какой-то ничтожно малый промежуток времени! Это наполняет меня какой-то особенной радостью.

- Ты просто засоряешь их почтовые ящики, - по-прежнему мрачно заметил второй.

- Но это неважно, что засоряю. Главное в том, что это я засоряю. Я, а не кто-нибудь другой! - проговорил в неожиданно нашедшей на него ярости первый человек. - Мне хочется засорять собой окружающий мир все больше и больше, больше и больше! Я хочу, чтобы все вокруг было полно мной!.. К тому же, ты не понимаешь: если мы не станем этого делать, это станут делать другие. Если мир не будет засорен информацией, которая будет исходить от нас, он будет засорен информацией, которая будет выплеснута в него другими. Дело вовсе не в том, про что эта информация, и в чем ее смысл, дело в том, сколько этой информации, и от кого она исходит. В этом заключается суть дела!

Он замолчал, а потом, после некоторой паузы проговорил:

- Нет! Это невозможно! Я дурею от всего этого!.. Я дурею от всей этой жизни...

- Уймись, успокойся, - перебил его собеседник (человеку в измятом коричневом костюме был различим лишь его силуэт). - То, что ты дуреешь от всего этого и от этой жизни - совершенно неважно, и никого не интересует. Хотя я и назвал создание информационных потоков идиотизмом, но ты правильно сказал: нам действительно надо их создавать... Вот это - важно, и это будет кого-то интересовать. Хотя я и не откажусь от своих слов про то, что это занятие полно идиотизма. А то, что ты дуреешь от такой жизни - это не важно, поскольку при этом ты, как и я, все-таки создаешь информационные потоки...

- Которые мы создаем наравне с другими идиотами... - продолжил его фразу первый человек. - Действительно, информационные потоки создавать надо. Но те, кто их создает - в большинстве своем - идиоты! И это самое ужасное! Мы живем в окружении идиотов. Самая ужасная черта нашего положения - это постоянная жизнь в окружении идиотов. Большинство людей не так

умны, как хотелось бы. Но именно благодаря тому, что они тупы, и существуют эти самые информационные потоки. Но я не могу в этом участвовать!.. Я дурею от этого, я схожу от этого с ума! Постоянное соприкосновение с идиотами для нормального человека убийственно. Мозг нормального человека выдержать этого не может. Но большинство людей - вовсе не нормальны! Нигде нет нормы, ни в чем нет нормы. А в отсутствие нормы стремиться к каким-то идеалам совершенно бессмысленно. Ведь это будут идеалы только для себя. А для чего мне одному идеалы? Я хочу служить обществу. Но обществу не нужно мое служение. Обществу, похоже, и так хорошо. Вообще, никому ничего не нужно! Я никому не нужен! У меня есть какие-то мечты, но они кажутся всем смешными! Они мне самому кажутся смешными! Кому это сейчас нужно?! Кого это может сейчас тронуть?! Обществу и так хорошо. Людям ничего не нужно. Я никому не нужен. Кому это сейчас нужно?! - бессмысленно повторял он.

Человек в коричневом костюме не верил своим ушам: это же был слово в слово его разговор с коллегой в темно-синем пиджаке и серых брюках! Потрясение его было столь велико, что он даже качнулся и чуть было не упал, но вовремя схватился за какую-то ветку, которая громко зашумела.

- Что это?!.. Ты слышал этот шум?.. - проговорил первый человек.

- Я вхожу в доколумбову эпоху! - проговорил в этот момент второй человек. - Итак, полное и окончательное освобождение от родственников?.. -переспросил его первый, точно бы желая еще раз удостовериться, что он правильно понял квинтэссенцию настроений своего собеседника.

- Да, верно. И еще я хочу сказать тебе: я сбежал оттуда, где только черный мрак, и гарь, и пепел, и унылые серые скалы возвышаются над мрачным и суровым морем, скалы, о которые разбиваются огромные несущие смерть морские валы. Какой смысл мне быть там, где уныло и страшно, где грустно? Я хочу быть среди нормальных, веселых людей. Любая положительная подробность меня очень интересует. Еще мне очень интересно, насколько должна распространяться степень моего оптимизма или пессимизма.

- А вот у меня все как раз наоборот. Меня очень интересует распад, энтропия, развал. Я обожаю смотреть жизненные катастрофы. Человека вообще необычайно интересуют всевозможные жизненные катастрофы. Я обожаю взирать на это. В этом таится огромное удовольствие. Кстати, я хотел тебя спросить...

- Да, пожалуйста... - проговорил первый человек.

Второй человек продолжил:

- Я хотел тебя спросить: что ты имел ввиду, когда сказал, что сбежал оттуда, где только черный мрак, и гарь, и пепел, и унылые серые скалы возвышаются над мрачным и суровым морем, скалы, о которые разбиваются огромные несущие смерть морские валы? Ты еще спросил: какой смысл мне быть там, где уныло и страшно, где грустно?

- О у тебя отличная память! Ты прямо-таки цитируешь меня!.. - поразился первый человек.

- Да, это точно: память у меня очень хорошая - школьное приобретение... Я имею в виду, что натренировал ее, пока учился в школе... Так ты не ответил: что ты имел в виду?.. - последнюю фразу второй человек проговорил после некоторой, впрочем, весьма небольшой, паузы.

- Как это что?!.. Я говорил про свое будущее!.. - ответил первый человек. - Я рассказывал тебе про то, что существует в моем будущем. И именно от этого будущего мне и захотелось убежать!.. Между прочим, я тоже хотел тебя спросить: когда ты говорил, что ты обожаешь смотреть на жизненные катастрофы, что именно ты имел в виду? Про какие катастрофы ты говорил? Приведи хоть один пример...

- Пример... - на мгновение второй человек задумался. Но потом точно бы неожиданно вспомнив, проговорил:

- Что ж, пожалуй вот тебе и пример - известный певец, молниеносный взлет, потом ушел в тень (другие появились), забыт, медицинское обследование обнаруживает у него рак, мучительное и небыстрое умирание, смерть... Чем не жизненная катастрофа?..

- Да уж... Действительно...

Потом он добавил:

- Да, действительно, жить стало чрезвычайно тяжело, кругом одни жизненные катастрофы... Можно сказать, эра пессимизма настала... Я считаю, что я тоже должен порассказать тебе про много таких случаев, которые меня окружают...

- Ты сказал, эра пессимизма настала?

- Да, я полагаю, что кругом слишком много информации... Все дело в информации, ее слишком много, за ней невозможно следить, она слишком тороплива и многообразна. Одна сменяет другую, другая - третью, смысла во всем этом я как-то не улавливаю. Было бы ее мало, была бы она ограничена - ее можно было бы помусолить и так, и эдак, обдумать, обмозговать, посмотреть какие-нибудь особенные моменты... Но такой вал! Нет, с таким валом справиться просто невозможно. И главное, по-моему, тут что-то происходит еще и с самой информацией. Она какая-то слишком уж однодневная, несерьезная, выпекаемая, как пирожки... Нет, разница в информациях есть. Есть разница в тех информациях, что были раньше и тех, что есть сейчас. Это как одежды, одни из которых сшиты в расчете на то, что их будут без сниму носить несколько лет подряд, а другие - в расчете на то, что их оденут только один единственный раз. Да, дело именно в этом: на меня каждый день сваливается куча пестрых и блестящих одежек, каждая из которых рассчитана только на то, что ее оденут один единственный раз. И тот, кто ее шил, думал лишь о том, чтобы привлечь мое внимание - я должен выбрать из вороха пестрых однодневок именно эту пеструю однодневку.

- Ну что ж, поедem, я покажу тебе то место, где может происходить одна из страниц той печальной истории про мрачные скалы, про которую я тебе только что говорил...

- Хм... Это очень ужасно!.. Я не хочу никуда ехать... Тем более в какие-то места, где происходит одна из страниц какой-то еще там печальной и мрачной истории...

- Поехали-поехали, сейчас возьмем машину и поедem!

В этот момент позади прятавшегося в кустах человека в измятом коричневом костюме послышался треск ломаемых сучьев, он резко обернулся, но в темноте разглядеть ничего не смог. Будь он в состоянии стоять спокойно и разглядывать, быть может, он бы и рассмотрел то существо или ту причину, что заставляла хрустеть ветки, но где ему!.. Высматривать что-то или кого-то, таившегося в темноте, ждать, не произойдет ли что-нибудь еще, что может пролить свет на сокрытую темнотой тайну, он был не в силах. Он не выдержал и кинулся бежать. Напролом, через кусты, слава богу, ничего, кроме них, не оказалось на его пути.

Кинотеатр ужасов разворачивал перед ним свой многообразный репертуар.

Человеку в измятом коричневом костюме показалось, что бежал он очень долго. Тем временем, парковые чащобы вокруг него расступались все сильнее, впереди стали видны заслонявшие собою все небо корпуса гостиничного комплекса, который высился возле станции метро "Измайловский парк". Туда, в сторону гостиничного комплекса был теперь устремлен взор человека в измятом коричневом костюме. Из тьмы парка он смотрел на белые, ярко подсвеченные башни, и их вид действовал на него подобно успокоительному средству: теперь человек в измятом коричневом костюме бежал все медленнее, пока, наконец, и вовсе не перешел на шаг. Как, должно быть, здорово, там, внутри, в белых, ярко подсвеченных гостиничных башнях! Там полно народу, там нет такого ужаса, как в парке, как в маленьком пустом кафе на его отшибе, там царит жизнь, снуют туда-сюда постояльцы и обслуга, играет музыка.

Перед ним проплыли два сцепленных и ярко освещенных изнутри трамвайных вагона: пассажиров в них не было - уже поздно, в такую позднень мимо мрачного Измайловского парка на трамвае никто не ездит. Да и куда здесь ехать? Не в парк же на ночную прогулку!..

Трамвайные пути, главный вход в парк, подземный переход, вот уже станция метро...

Человек в измятом коричневом костюме остановился. Ключи от сейфа так и не были найдены. Что же делать? Он не знал, что ему делать.

+ + +

Человек в измятом коричневом костюме попытался, насколько это возможно, перевести дух. Психика его была совершенно задавлена тем, что случилось. Вернее, не так: кроме того, что он потерял ключи, и его заперли в пустом кафе, ничего, строго говоря, не случилось, как таковых, событий не было, но вот разговор неизвестных, и вся атмосфера, и впечатления, и страшное лицо... Случились больше впечатления, чем события. И этими впечатлениями он был задавлен... Хотя его мысли и путались, он понимал, он сделал вывод о том, что у него теперь есть не так-то и много психологических, если можно так выразиться, выходов.

Первый психологический выход заключался в том, чтобы просто-напросто не поверить в то, что то, что с ним случилось, случилось на самом деле.

Второй психологический выход - немедленно сойти с ума. Но, с другой стороны, никакой это и не выход, да и сделать это намеренно будет трудно. Он либо уже сошел с ума, - малость или не малость - неважно. Либо его минует чаша сия. А скорее всего, будет что-то среднее, что-то третье. Он и не сойдет с ума так уж явно, но и без последствий для него все это дело никак не обойдется.

Дальше возникал вопрос его личного расследования происшедших событий. По факту событий необходимо было, так сказать, завести дело. У его личного следствия, как и положено уважающему себя следствию, сходу, сразу после событий уже имелось в разработке несколько версий. Первая версия - и самая простая - случайность. Иными словами, все происшедшее - это невероятное наложение невероятных случайностей одной на другую... Ну а почему бы и нет? В конце-концов, кто сказал, что такие случайности

невозможны?! Даже теория вероятности, кажется, не может полностью опровергнуть существование подобных случайностей.

Пусть это будет случайность, пусть, в конце концов, мысль о том, что это была случайность, будет просто ложью во спасение. Пусть ложь, ложь, ложь! Но в конце-то концов, не живет ли он и так, и без того в мире лжи?! Кругом мрачная, отупляющая, сюрреалистическая, злобная ложь. Вся эта информация, все эти информационные потоки - это сплошная ложь. Будет лжи немного больше или немного меньше - на общем раскладе, на генеральном балансе это никак не скажется.

Вторая версия, которую может принять в работу его личное, персональное следствие - это розыгрыш. Ну почему бы тому же его товарищу в темно-синем клубном пиджаке не разыграть его?..

Третья версия - бред, у него просто бред, и все ему мерещится. Но это - самая глупая версия. Хотя, почему бы и нет? Почему бы и не могло ему все, что померещилось, померещиться?!

Ну и самое последнее, самое окончательное соображение: какого черта он должен во всем этом разбираться, ломать голову?! В конце-концов, он имеет право жить бездумно, как трава, как овощ, как животное. Многие живут так... Вот например, хотя бы тот же пьяница, которого он видел сегодня сидящим на ступеньках входа в подземный переход... Пьяница был совершенно спокоен и ни над чем не ломал голову. Почему же и он сейчас не может быть так же спокоен и так же ни над чем не ломать голову?

Никто его не убил, не ограбил, он жив и здоров. Так чего ж ему неймется?..

- Извините... - раздалось у него за спиной.

Человек в измятом коричневом костюме резко обернулся и... замер. Перед ним стоял и виновато улыбался он сам, только гораздо моложе. Перед человеком в измятом коричневом костюме стоял и улыбался человек точно такой же внешности, как и была у человека в измятом коричневом костюме, когда он был значительно моложе. Он же помнил, какая у него была внешность, когда он был значительно моложе! Все совпадало: и эти брючки, и этот старенький заношенный свитерок, которые были надеты на человеке, который к нему подошел, - были его вещами. Вернее, не так: точно такие вещи были когда-то и у него. Но он их давным-давно выкинул.

...Тут очень важными были два пункта. Первый пункт - момент встречи человека в измятом коричневом костюме с самим собой прошел гораздо обыденнее, чем можно было предполагать заранее, если, конечно, и знать заранее, что такая встреча состоится. Он не отскочил в сторону, не вскрикнул, не потерял сознание, не зажал в ужасе рот, сдерживая возглас. Нет, все было спокойно и чинно, и благопристойно, и без чрезмерного удивления, и совсем без страха (хотя, в этот вечер он уже свое отбоялся, так что вряд ли можно было всерьез ожидать от него чрезмерной пугливости).

Второй пункт заключался в том, что для человека в измятом коричневом костюме началась новая эпоха, новая история, мир изменился полностью, окончательно и бесповоротно. Но нигде не было слышно ни громкого уханья набатного колокола, ни даже звона маленьких колокольчиков, ни пожарной или милицейской сирены, ни даже ударов в рельсу. Никто даже ни кашлянул в этот момент. Копия, клон, двойник, знакомый незнакомец предстал перед человеком в измятом коричневом костюме тихой сапой, спокойно, как будто так и надо было, и так же, в общем-то, спокойно воспринял его появление человек в измятом коричневом костюме. Ну, если только замер,

застыл на мгновение. Но это, в общем-то мелочь... Мелочь, по сравнению с тем, что произошло...

Подошедший к человеку в измятом коричневом костюме знакомый незнакомец доброжелательно улыбался. Человек в измятом коричневом костюме как-то сразу преодолел собственную оторопь. Точнее, он даже ничего и не преодолевал, она сама собой куда-то незаметно, в мгновение ока улетучилась. О, как это было приятно - видеть этого человека перед собой! Сотрудник транснациональной корпорации испытывал странное наслаждение. Его вызывал один вид того человека, что стоял напротив него. Невероятно! Поразительно! Странно приятно: то есть не то было странно, что приятно, а приятно было как-то по-странному, по-особенному. У сотрудника транснациональной корпорации вмиг как-то разгладилось лицо, он широко раскрыл глаза, он сразу лучше себя почувствовал, - легко и свободно.

В эти мгновения человек в измятом коричневом костюме совершенно не думал о так и не найденных ключах и о том, что произошло с ним в Измайловском парке, когда он пытался эти ключи разыскать.

- Извините, вы не подскажете, где главный вход в гостиничный комплекс? Мне тут надо... Столько корпусов! Глаза разбегаются... - проговорил знакомый незнакомец. В его голосе явственно слышались нотки неуверенности.

При этом он как-то странно, испытующе смотрел на человека в измятом коричневом костюме.

- Я... я не знаю, - запнувшись, ответил человек в измятом коричневом костюме. И потом сказал, махнув рукой в направлении ближайшей гостиничной башни:

- Там, там... Это там! Главный вход - там!..

Смотреть на знакомого незнакомца было невероятно приятно, а вот говорить с ним почему-то оказалось очень трудно, и человек в измятом коричневом костюме словно испугался, что незнакомец в таких знакомых и таких заношенных брюках, которые, кажется, лет десять носили "без сниму", продолжит расспрашивать его о чем-то.

- А поточнее?.. - вдруг спросил незнакомец. - Что же вы мне не скажете точнее?

- ... - человек в измятом коричневом костюме вдруг опять занервничал, если вообще слово "нервничать" могло быть применимо к тому состоянию, в котором он теперь находился. На самом деле, его нервы, не смотря на все испытанное при встрече со знакомым незнакомцем удовольствие, еще не отошли, хотя бы и чуть-чуть, от того состояния судороги, в котором они пребывали во все то время, что он находился на территории Измайловского парка, особенно - в кафе, в кустах, когда подслушивал невероятный разговор двух неизвестных. Какая-то непонятная малость, и он вновь стал все так же взвинчен, возбужден, перепуган, как и пару минут тому назад.

- Ну, ладно. Спасибо, - незнакомец больше не стал расспрашивать, а резко развернулся и быстро пошел в сторону ближайшего к ним белого и ярко подсвеченного гостиничного корпуса.

Человек в измятом коричневом костюме не двинулся с места, - почему - не смог бы объяснить и сам, - но долго смотрел вслед знакомому незнакомцу. Потом тоже развернулся и медленно побрел вдоль длинного ряда палаток, торговавших всякой всячиной. Мозг его отказывался думать. Его охватили странное отупение и апатия. Впрочем, он, безусловно, испытывал удовольствие от встречи.

Ужасное лицо, которое человек в измятом коричневом костюме вдруг увидел, когда сидел в кафе в глухом краю парка, было для него очевидным ударом. В ужасном лице не было и не могло быть ничего приятного. А вот встреча со знакомым незнакомцем хоть и сменила одну эпоху в жизни на другую, но, странным образом, оставила приятное воспоминание. Оступение и апатия, и удовольствие одновременно - можно ли такое испытывать?.. Наверное, теперь он все-таки приблизился по своему состоянию к состоянию пьяницы, что сидел на ступеньках подземного перехода.

Но удары еще не закончились... Удары должны были следовать за ударами. Это был день террористических атак. Это был день атак не только на общество, на государство и на каких-то других незнакомых людей, это был день атак и на него, на одного отдельно взятого человека в измятом коричневом костюме...

Возле одной из торговых палаток он увидел мальчика-подростка, который стоял и, задрав голову, рассматривал что-то в витринке. Затем подросток с разочарованным видом отвернулся от витринки, отошел от палатки и остановился, принялся оглядываться по сторонам, видимо, разыскивая что-то...

Человек в измятом коричневом костюме, тем временем, уже тоже остановился и внимательно наблюдал за подростком. Можно сказать, что он глаз от подростка не отрывал. Но тот ни разу даже взгляда не бросил на дядьку, который столь пристально на него смотрел.

Человеку в измятом коричневом костюме теперь очень сильно казалось, что этот подросток - это тоже он сам, только в возрасте подростка. Но тут (его сердце, тем не менее, бешено колотилось) он не был уверен - он плохо помнил свою внешность: какой она была, когда он был подростком?..

В первом случае - с незнакомым незнакомцем - он был уверен: это был он, только гораздо моложе, теперь же он уверен не был...

Между тем, подростку что-то было нужно найти на этой площади, в ее торговых палатках, которые обрамляли площадь со всех сторон.

Стало ветрено. Хотя, порывы ветра не были частыми, каждый раз, когда они налетали, казалось, что еще немного - и оторвутся крыши торговых палаток.

Человек в измятом коричневом костюме медленно двинулся в сторону так поразившего его подростка, который по-прежнему его не замечал. Подойдя к тому на расстояние в несколько метров, человек в измятом коричневом костюме замер.

Подросток по-прежнему осматривался по сторонам, но вот, наконец, взгляд его наткнулся на человека в измятом коричневом костюме. Подросток тут же отвел глаза, несколько мгновений постоял, глядя куда-то в дальний конец площади, а потом пошел в сторону, противоположную той, в которой стоял человек в измятом коричневом костюме.

Но прошагал так подросток недолго. Потом он остановился, потом вернулся обратно на то место, где он стоял в тот момент, когда взгляд его наткнулся на человека в измятом коричневом костюме, там он вновь принялся смотреть по сторонам, словно он разыскивал что-то или кого-то. В это время человек в измятом коричневом костюме стоял на одном месте и то и дело бросал взгляды на подростка, причем он не то, чтобы смотрел на него слишком настойчиво, а, напротив, украдкой, - он старался не проявлять столь уж явно своего внимания к подростку, ведь он не был уверен в этом

подростке. Это мог быть какой-то случайный подросток, могло просто померещиться. Но и из виду подростка тоже не выпускал. Впрочем, тот и не отошел никуда хотя бы сколь-нибудь далеко.

Вдруг подросток начал быстро переходить от палатки к палатке, словно бы очень занервничав и пытаясь что-то разыскать на витринах, чего он до сих пор не мог никак разыскать. Человек в измятом коричневом костюме тоже начал ходить по той свободной площадке, что была перед киосками, опасаясь, что подросток как-нибудь неожиданно исчезнет из виду, но при том ему представлялось, что он не должен так уж откровенно следить за подростком, потому что, кто его знает, как тот мог истолковать его внимание? - Оно могло напугать его, а этого человек в измятом коричневом костюме хотел меньше всего.

- Вот так дела! Вот так дела! Вот так дела! - бормотал человек в измятом коричневом костюме, чтобы не сойти с ума. - Я чувствую, мое настроение улучшается! Я рад, что все так вышло, что все так получилось. Мне уж было совсем приходил полный конец, совсем не наблюдалось нигде никакого выхода, а тут вдруг такие хорошие и цельные и целостные события, что просто загляденье! Такой невероятный, неожиданный и нужный поток информации ко мне пришел! Ведь информация - это любое различие, которое рождает другое различие.

Так они оба кружили по небольшой площади, пока, наконец, в какой-то момент не столкнулись друг с другом, причем, совершенно непреднамеренно и, даже, против воли обоих, чуть ли не нос в нос, насколько подобное выражение уместно применить для двух людей совершенно разного роста.

Подросток тихо, причем совершенно не испуганным голосом, а скорее как-то нервничая, но нервничая, как определил для себя человек в измятом коричневом костюме, не из-за того, что он столкнулся с незнакомым мужчиной, а по каким-то своим собственным, только ему известным причинам, - так вот, явно нервничая, он спросил:

- Скажите пожалуйста, не будете ли вы так любезны сказать, где тут можно отведать каких-нибудь горячих блюд за пятнадцать рублей?..

- Не буду ли я так любезен сказать, где тут можно отведать каких-нибудь горячих блюд?.. - поразился вопросу человек в измятом коричневом костюме.

Он очень внимательно, изучающе смотрел на подростка. Подросток же, - это можно было понять с первого взгляда, - готов был заплакать. Впрочем, причина подобного его состояния оставалась непонятной.

- Горячих блюд можно отведать в ресторане или кафе. Иди в гостиницу, там, конечно же, есть и ресторан, и кафе. А, может, кафе есть где-нибудь и здесь, возле метро. Я не знаю точно... - сказал человек в измятом коричневом костюме.

Глаза подростка наполнились слезами.

- Я же спросил вас, совсем не имея ввиду кафе или ресторан. Там так дорого! Я хочу знать, где здесь поблизости можно съесть какое-нибудь горячее блюдо за пятнадцать рублей. Суп или кашу... Или какие-нибудь горячие блинчики с творогом или мясом... Или... Или... - слезы стали душить его и, не договорив, он пошел прочь.

- Постой! Постой, мальчик! - громко воскликнул ему вслед человек в измятом коричневом костюме так, что сразу несколько человек на маленькой площади стали смотреть в его сторону.

- Пстой мальчик! - продолжал человек в измятом коричневом костюме.

Подросток остановился и молча повернулся к человеку в измятом коричневом костюме. По лицу его текли слезы.

- Может быть, у тебя нет денег и ты голоден? Я могу дать тебе денежки...

- Вы что с ума сошли?! Нет, я не попрошайка!.. - воскликнул подросток. - Я просто хотел быстро съесть какое-нибудь второе горячее блюдо. Мне нужно сейчас съесть какое-нибудь горячее блюдо. Иначе у меня станет болеть голова. Вы что?!.. Отстаньте от меня! - он развернулся и быстро пошел, чуть ли не побежал прочь.

Человек в измятом коричневом костюме тоже развернулся и тоже пошел прочь в сторону, где у него не было совершенно никаких дел - в сторону гостиничного корпуса. Пройдя шагов двадцать, он вновь развернулся и пошел обратно к торговым палаткам возле станции метро...

...Подкрадываясь к выслеженному им подростку, прячась в толпе народа, повалившего как раз в этот момент из дверей метро, человек в измятом коричневом костюме со щемящей болью в сердце увидел, что подросток вылил на грудь, на свою кофточку томатный соус, которым была приправлена сосиска с булочкой. Подросток пытался как-то стереть соус с рубашки, неловко перепачкал еще и рукав, чуть было не уронил сосиску, потом, чтобы освободить руки и заняться пятном на рубашке, затолкал чуть ли не всю сосиску с булочкой разом себе в рот, давась и обжигаясь попытался прожевать их, раскраснелся, еще больше разнервничался. Вид у него был чрезвычайно жалкий.

- Вы что так на меня смотрите? - вымолвил он наконец, когда съел свою горячую сосиску с булочкой.

Человек в измятом коричневом костюме, пользуясь замешательством подростка, уже некоторое время стоял и без стеснения рассматривал его:

- О, нелепый, странный, глупый подросток, посмотри как ты перемазался!.. Зачем же ты все это наделал?!.. - воскликнул человек в измятом коричневом костюме и, уловив, что подросток сейчас опять убежит, уже более спокойно спросил:

- Пстой не исчезай, мне знакомо твое лицо? Где же мы могли с тобой встречаться, как ты думаешь? Где же я мог тебя видеть, как ты полагаешь?

- Не знаю... Я вас не знаю. Я никогда вас не встречал, - пробормотал подросток. - Скажите пожалуйста, где главный вход в гостиничный корпус? - спросил он следом.

Человек в измятом коричневом костюме замешкался с ответом и подросток, не дожидаясь, пока тот что-нибудь скажет, побрел через площадь в сторону ярко подсвеченных снаружи белых гостиничных корпусов.

Человек в измятом коричневом костюме, тем временем, подбежал к ближайшему телефону-автомату, который он заметил еще раньше, вытащил из внутреннего кармана измятого пиджака городскую телефонную карточку, вставил ее в прорезь и принялся набирать номер мобильного телефона коллеги, что был сегодня днем вместе с ним в Измайловском парке.

- Ты знаешь - состоялось! - воскликнул человек в измятом коричневом костюме, едва коллега ответил на звонок.

- Что? Что состоялось?!.. - удивился тот больше неожиданному заявлению товарища, чем позднему звонку - между ними было

принято звонить друг-другу после работы и обсуждать какие-нибудь вопросы, которые могли быть связаны с чем угодно: с тем, что сказал днем одному из них двоих Глава представительства, с только что прошедшей телепередачей, с какой-нибудь сенсационной мировой новостью. Оба в этот момент по определенному стечению обстоятельств были одиноки и им хотелось общаться друг с другом.

- Состоялось то, что теперь у меня есть повод для оптимизма, - пояснил своему товарищу человек в измятом коричневом костюме. - Есть событие, факт, происшествие, на котором, уверен, может укрепиться, как растение на маленьком клочке земли среди безжизненных скал, мой оптимизм. Я встретил некого очень знакомого мне человека... Мне кажется, это чертовски, чертовски занимательно и интересно!

Человек в измятом коричневом костюме был уверен, что сейчас его товарищ что-то ответит, как-то заинтересованно продолжит разговор, что сейчас они, хоть и немного, хоть он и по уличному телефону автомату звонит, и второй - отвечает по мобильному телефону, а значит, - деньги идут, но поговорят, хотя бы самую малость, но второй, тот, что был сегодня в темно-синем пиджаке и серых брюках, сказал:

- Слушай, я сейчас... В общем, давай потом поговорим. Давай, потом. Пока, пока... - вслед за этим в трубке раздались короткие гудки.

Человек в измятом коричневом костюме разочарованно повесил трубку на рычаг. К автомату уже стояла очередь из нескольких человек. Когда они успели собраться? - Человек в измятом коричневом костюме даже не заметил!

Он отошел от телефона-автомата. За рядом торговых палаток через площадь, через проезжую часть высились ярко подсвеченные белые гостиничные корпуса.

Голова у человека в измятом коричневом костюме была полна каких-то неясных соображений, предчувствий, мысли путались, в настроениях царил полный сумбур, - то его охватывала радость от того, что он встретил подростка, который так поразил его, то он вспоминал свою недавнюю парковую эпопею, потерянные ключи...

Можно так же отметить, что человек в измятом коричневом костюме едва ли не перешел уже грань безумия от всех тех событий, что на него сегодня свалились... Нет, наверное, все-таки не перешел. От перехода этой грани его удерживала радость, которую он испытывал от встречи с самим собой, только гораздо моложе.

"Стоп! - пронеслось в голове у человека в измятом коричневом костюме. - Он же ничего не спросил ни про ключи от сейфа, ни про мое исчезновение с работы!.. Вот так дела! Странно! Чем же это можно объяснить?"

Он хотел немедленно вернуться к телефону-автомату, набрать номер коллеги вновь и спросить его про то, что происходило на работе во время его отсутствия, но тут же он передумал. Медленно он двинулся в сторону белых башен гостиничного комплекса. Там сейчас странный знакомый незнакомец, там сейчас и подросток, что недавно поедал горячую сосиску с булочкой!

"Кругом одна ложь! - продолжало нестись в голове у человека в измятом коричневом костюме. - Все события сегодняшнего вечера - это сплошная реакция моего организма на ложь, на сплошную мрачную сюрреалистическую ложь, которая разлита повсюду. То, что произошло сегодня со мной, было случайностью, но разве можно поверить в то, что можно случайно услышать на ночной алее парка

разговор, который уже однажды состоялся, а потом встретить человека, случайно похожего на тебя, каким ты был раньше, а затем случайно встретить подростка, похожего на тебя такого, каким ты был, когда был подростком? То, что это случайность - это ложь. Но разве не существует и не чувствует себя прекрасно и более чудовищная, и более отупляющая ложь?!.. Ведь кругом одна большая, мрачная, угрюмая, отупляющая сюрреалистическая ложь! И люди верят в нее! Значит и я должен верить в свою угрюмую и отупляющую сюрреалистическую ложь: все, что со мной происходит - это цепь случайностей и совпадений. Какими бы странными и необъяснимыми не казались бы мне все случившиеся факты, они на самом деле объясняются простой цепью случайных совпадений, стечением обстоятельств. Это ложь. Но нынче ложь становится явью. Вот и эта ужасная ложь про случайность стала явью. Да и какое мне дело до того, ложь это, или нет?! Я не должен тратить свои силы на то, чтобы ломать над этим голову. Это - цепь случайных совпадений. Но очень интересная и внушающая оптимизм цепь. Я так и сказал ему: состоялось то, что теперь у меня есть повод для оптимизма. Моя жизнь больше не будет скучна и мрачна. Я буду интересоваться самим собой, но таким, каким я был, когда был моложе, или таким, каким был подростком. Я буду интересоваться самим собой и общаться с самим собой... А что, если я больше сам себя не увижу? Где гарантия, что подросток или молодой человек появятся вновь?.. "

Мимо него прошла группа о чем-то болтавших между собой и весело смеявшихся приезжих, очевидно, направлявшихся в гостиницу. Человек в измятом коричневом костюме медленно пошел вслед за ними. Потом остановился. Нет, он не пойдет туда! Что ему там делать? Хватит. Этот вечер пора заканчивать: он решил отправиться домой и как можно скорее лечь спать. Дома, в кровати, он может предаться приятным воспоминаниям о том, как он встретил самого себя, только моложе. Встреча с прекрасным состоялась!

- Осторожней же! Шатается, как пьяный!.. Приличный же вроде человек... - услышал человек в измятом коричневом костюме рядом с собой. Пожилая женщина, которую он толкнул, была возмущена.

- Извините, - он потер ладонью лоб.

Неожиданно мысль, как удар молнии, поразила его: ему же надо было ехать смотреть новости. Информационные потоки в его голове ослабевали! Еще немного - и в его голове воцарится ужасная, могильная тишина. Ему требовалось свежих информации!.. Впрочем, то, что с ним происходило, и те сильные впечатления, которые на него теперь навалились, тоже, без сомнения, были полноценным информационным потоком, так что он погорячился, когда испугался, что информационные потоки иссякли. Они не иссякали и не иссякли. Просто теперь информация поступала к нему в мозг не из телевизора или радиоприемника, а напрямую из самой жизни.

Между тем, с того места на площади возле метро, на которой теперь стоял человек в измятом коричневом костюме, было видно, что пьяница по-прежнему дремал на ступеньках, что вели в подземный переход, и его, пьяницу, по-прежнему совершенно ничего не интересовало. Эта вопиющая несправедливость резанула по нервам человека в измятом коричневом костюме, и к нему разом вернулся и тот ужас, который он испытывал от осознания того, что он потерял такие важные ключи от сейфа представительства, и сознание бестолковости и нелепости всего того, что происходило с ним в этот вечер, и, - и это главное, - он понял все невероятное отличие, которое разделяло и различало его с этим беспробудно спавшим на ступеньках

подземного перехода пьяницей: он, человек в измятом коричневом костюме, служил хранилищем и вместилищем информации, он внимал ей и впускал ее в себя, оттого-то и происходили с ним все эти события, оттого-то и попадался ему на его странном пути в этот странный вечер он сам, но только гораздо моложе, оттого-то и имел он все основания подозревать, что этот подросток, что так нелепо и жалко давился горячей сосиской с булочкой и обливал свою, похоже, единственную приличную кофточку соусом - это тоже он сам, но только - когда был подростком, и именно потому, и только потому, что он так восприимчив для информации, служит для множества информации мишенью, так бестолков и неупорядочен, и страшен этот вечер. И его, этот вечер, и его самого, человека в измятом коричневом костюме, необходимо немедленно упорядочить. И единственным средством для упорядочения может быть только напиться до бесчувственного состояния и сесть на ступеньках подземного перехода рядом с давно сидящим на них пьяницей.

Человек в измятом коричневом костюме решил немедленно ехать домой.

В пустой унылой квартире, где на кухне падает из неисправного крана на тарелку со следами томатного соуса вечная струйка воды, сейчас никого нет и только автоответчик иногда включается: "Сейчас меня нет дома..." Невыносимо будет оказаться в этой пустой квартире и начать думать о том, что же сегодня с ним произошло. Нет, это невыносимо!

Тем не менее, он все-таки развернулся и пошел обратно туда, где был вход в метро. После всех мыслей он все-таки осмелился направиться туда, где был вход на станцию метро. Это был подвиг с его стороны! Он и сам никогда не мог предположить, что способен на подобный героический поступок.

Человек в измятом коричневом костюме так и не дошел до метро, а в какой-то момент развернулся и пошел обратно, в сторону гостиничного комплекса. Он лишь примерно представлял, куда шли знакомый незнакомец и подросток, который ел сосиску с булочкой, а потому действовал больше наугад, - перейдя широкую проезжую часть и миновав автостоянку, он направился к тому корпусу, что стоял чуть поодаль.

Потом он нашел вход в корпус, попал внутрь и там, - о удивление! - Он был просто поражен: недалеко от дверей стоял... его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках.

Но это было не последнее удивление, которое он испытал, попав в холл гостиницы.

Здесь же, в холле, оказывается, стояли знакомый незнакомец, подросток, который недавно ел сосиску с булочкой, - он держал за руки немолодых мужчину и женщину, видимо, это были его отец и мать. Тут же стоял какой-то наголо стриженный мальчик, очень смахивавший на беспризорника. Видимо, он и был беспризорником. Рядом с беспризорником стояла девушка лет семнадцати-восемнадцати, нарядно одетая и с какой-то невообразимой прической, накрученной на голове.

Все эти люди стояли перед экраном телевизора, по которому шла программа новостей. В ней рассказывали о последствиях очередного террористического акта. Человек в измятом коричневом костюме хотел было броситься к телевизору, чтобы не упустить ни слова из того, что говорилось про случившиеся ужасные события, но удержался. Ему подумалось, что из всех информационных потоков, которые уже обрушились и еще обрушатся на него в холле гостиницы,

телевизионные новости о последствиях очередного ужасного террористического акта - это не самый главный информационный поток.

"Странно, - подумал человек в измятом коричневом костюме. - Странно, что именно так я подумал..."

В центре этой маленькой группки стоял чрезвычайно нарядно одетый молодой мужчина и, судя по всему, что-то объяснял им. Причем, все пятеро слушали его с огромным вниманием.

- Дремучая российская жизнь скоро подойдет к своему естественному концу! - расслышал человек в измятом коричневом костюме. - Но я - оптимист и полагаю, что для меня этот общий конец концов не будет. Я весел и жизнерадостен, и полагаю, что такие, как я, не пропадут ни в какой ситуации, и я уверяю вас, что я, моя звезда, мы оба - я и моя звезда - будем сиять на нашем российском небосклоне все ярче и ярче, какие бы перемены и катаклизмы не поражали наше тупое и много раз побитое и, все-таки, так от этого бития и не поумневшее в своей серой и глупой массе общество!..

Человек в измятом коричневом костюме вдруг понял, что он несколько раз видел этого чрезвычайно нарядно одетого мужчину по телевизору, - но кем тот был, он вспомнить не смог, - кажется, журналистом, но, может быть, и нет...

Рядом с коллегой в темно-синем пиджаке и серых брюках стояло двое каких-то молодых мужчин, на которых человек в измятом коричневом костюме только что просто не обратил внимания. Вот они отвлеклись от чрезвычайно нарядно одетого молодого мужчины и все трое стали о чем-то оживленно беседовать. При этом коллега в темно-синем пиджаке стоял к двери вполоборота, так что вошедшего человека в измятом коричневом костюме он не заметил.

Постояв совсем немного, может быть, меньше минуты у входных дверей в гостиничный корпус, человек в измятом коричневом костюме направился к своему коллеге в темно-синем пиджаке и серых брюках. Тот, словно уловив это каким-то шестым чувством, резко повернулся в его сторону. В это мгновение человек в измятом коричневом костюме заметил мобильный телефон, который его коллега держал в правой руке так, словно только вот-вот недавно закончил говорить по нему.

"Должно быть, это он после разговора со мной так и не убрал телефон в карман", - подумал человек в измятом коричневом костюме. - "Ага, все ясно! Значит, ждет прихода дополнительных информации. Иначе, чего бы он стал стоять с телефоном в руках".

Увидав человека в измятом коричневом костюме, его коллега, который был одет в темно-синий пиджак и серые брюки, чрезвычайно удивился.

- Как?!.. Ты?! Что ты здесь делаешь?! Вот уж кого не ожидал увидеть! - воскликнул он, за одну секунду ужасно разволновавшись.

Впрочем, через мгновение человек в темно-синем пиджаке и серых брюках пришел в себя.

- А ты?.. Что ты здесь делаешь?! - в свою очередь поразился человек в измятом коричневом пиджаке.

В ответ на этот вопрос человек в темно-синем пиджаке рассказал, что сегодня в этом корпусе гостиницы разместятся на ночлег участники телевизионной передачи. Они приехали в Москву из разных уголков страны, и вот, так или иначе, все вместе оказались в этом холле гостиницы. Причина того, что человек в темно-синем пиджаке тоже здесь оказался, была чрезвычайно проста: для участия в съемках передачи в Москву приехала приемная дочь одних его

родственников, которые жили не в самом близком Подмосковье. Как понял человек в измятом коричневом костюме из рассказа своего коллеги в темно-синем пиджаке, это был маленький городок где-то на границе то ли с Калужской, то ли с Рязанской областью. Одним словом, городок, который располагался в самом дальнем и самом заштатном уголке Московской области, откуда было удобнее добираться в столицу уже даже не на электричке, а в купейном вагоне, вздремнув на верхней полке не такой уж и маленький промежуток времени.

Приемная дочь родственников коллеги в темно-синем пиджаке приехала прямо к тому домой, так как предполагала остановиться в Москве у него. По определенным причинам коллега, который в этот день носил темно-синий пиджак, не хотел, чтобы приемная дочь его родственника из Московской области останавливалась у него дома, а потому решил оплатить ей номер в гостинице. К тому же, она пришла к нему на квартиру не одна, а с мальчишкой-беспризорником, впрочем, уже отмытым по случаю участия в передаче, с которым познакомилась уже на телецентре.

Там же, на телецентре, она узнала, что многие будущие участники передачи собираются остановиться именно в этой гостинице, о чем и сказала человеку в темно-синем пиджаке и серых брюках. Так что тому не пришлось раздумывать, в какую гостиницу отвезти приемную дочь своего родственника, благо гостиница, ко всему, была еще не из самых дорогих, что только укрепило его в принятом решении.

Удовлетворившись объяснением, которое предложил ему его коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках, человек в измятом коричневом костюме что-то сбивчиво рассказал ему о своей встрече с двойниками и затем остался стоять возле него, в то время, как к тому подошла приемная дочь его родственника, за ней - беспризорный мальчишка, а потом вокруг них собралось еще несколько человек, имевших отношение к будущей передаче, некому ток-шоу, ради которого все эти люди и приехали в столицу. Подошел к ним и чрезвычайно нарядно одетый мужчина, который, как потом понял человек в измятом коричневом костюме, был журналистом, и родители с подростком, который лишь недавно ел горячую сосиску с булочкой, тоже подошли, незнакомый незнакомец - и тот приблизился к образовавшемуся скоплению народа, хотя и остановился все же на некотором удалении от него.

Неожиданно, чрезвычайно нарядно одетый молодой журналист окликнул двух людей, которые до этого стояли и о чем-то оживленно беседовали чуть поодаль.

- Эй, что вы там стоите? Идите сюда! - громко позвал он их. И уже обращаясь к тем людям, что стояли возле него:

- Я хочу рассказать вам про то, что вот у этого человека... - тут молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист показал на сотрудника представительства в темно-синем пиджаке и серых брюках. - Так вот, у него есть один очень забавный и оригинальный приятель, который очень страстно и странно относится к информационным потокам. Разговаривая сегодня с ним, с этим своим приятелем, он взял и записал весь их разговор на диктофон, который брал с собой на важные переговоры. Он вообще всегда берет с собой на важные переговоры диктофон, чтобы потом еще раз прослушивать и переживать захватывающие детали этих переговоров. Такой вот странный человек!.. Так вот, когда его приятель начал говорить про информационные потоки, он тут же включил свой диктофон на

запись. Вот эти два человека (это относилось к двум людям, только что беседовавшим поодаль, а теперь подошедшим поближе) - они репетируют сцену, основанную на этом разговоре, чтобы представить ее на будущей передаче как бы невзначай, точно бы и не отрепетированная это сцена, а просто диалог из жизни... Ну что ж, этот разговор того стоит, потому что разговор чрезвычайно интересный.

- Ты подлец! Как ты смел это сделать?!.. Как ты смеешь предавать эти наши разговоры гласности?! - выкрикнул в этот момент с искаженным лицом человек в измятом коричневом костюме, глядя на своего коллегу по работе в темно-синем пиджаке.

- Подождите-подождите! - воскликнул чрезвычайно нарядно одетый молодой мужчина и быстро встал между двумя коллегами по работе, должно быть, подумав, что сейчас будет драка.

- Я хочу добавить только одно, - продолжал он рассказывать. - Имя забавного и оригинального приятеля, который чрезвычайно возбужден множеством информационных потоков само по себе достаточно необычно - Не-Маркетинг!

- Честное слово, все было совсем не так! Вернее, так, но смысл другой: я не предавал гласности... То есть... Там никак не будешь упомянут ты! - проговорил человек, одетый в темно-синий пиджак и серые брюки, обращаясь к Не-Маркетингу, тому, что был одет в измятый коричневый костюм.

- Ну а его имя, - молодой чрезвычайно нарядно одетый журналист показал на человека в темно-синем пиджаке и серых брюках. - Маркетинг!..

- Э, нет! - возмущенно сказал коллега в темно-синем пиджаке и серых брюках. - Это совсем не то!.. Я рассчитывал, что вы упомянете мою фамилию!.. Про то, что я - Маркетинг, знает только очень узкий круг лиц!

- Ну и народ! - изумился чрезвычайно нарядно разодетый мужчина. - Просто даже и не знаешь, что подумать!.. Я же хочу, как лучше!.. В моем деле всегда возможен скандал. Он даже желателен. Неужели вам хочется быть во все это замешанным?! Какой вам прок?! Вы - солидный сотрудник солидного представительства крупной транснациональной корпорации, вам-то зачем во все это лезть?!..

- Так ведь и так уже влез! И так все поймут, кто есть кто!..

- Ну хорошо, я стану упоминать ваши фамилию, имя и отчество!.. Нет, впрочем, я не буду упоминать их!.. Да и потом, сейчас ведь мы не перед камерой, сейчас вообще можно говорить что угодно... К тому же, я вообще не решил: включать это или нет... Но даже если это и случится, вы все равно так и останетесь лицом под псевдонимом!.. Вы - из тех, кто мне уже успел невероятно надоесть. Вы все, кто здесь сегодня собрался - какие-то ужасные и невероятные идиоты, подобных которым я вообще никогда в жизни не видел. Хотя, чего же здесь удивляться - сейчас кругом только одни идиоты. Идиот на идиоте сидит и идиотом погоняет!

Лицо человека в темно-синем пиджаке и серых брюках потемнело. Чрезвычайно нарядно одетый молодой мужчина тут же проговорил:

- Впрочем, извините за резкость, за грубые слова, вы не идиот, идиот - это я.

- Я рассчитывал, что вы хотя бы раз упомянете мое имя по телевизору. И это будет мой вклад в информационные потоки! Я стану существовать как бы в нескольких ипостасях. Я - настоящий, реально существующий, и я - тот, который вообразится всем после вашей

передачи: человек, который передал запись разговора со своим другом!

- Идиот на идиоте сидит и идиотом погоняет, господин Маркетинг в темно-синем пиджаке и серых брюках, - сокрушенно проговорил чрезвычайно нарядно одетый журналист.

- Я не про вас, не про вас, про себя! Надеюсь, вы понимаете!.. - тут же добавил он.

- Как же ты смел передать кому-то запись нашего разговора! - вновь начал возмущаться человек в измятом коричневом костюме.

- Пойми, разговор мне очень понравился! - попытался оправдаться его коллега, который в этот день был в темно-синем пиджаке. - Меня он очень заинтересовал, так сказать, с информационной точки зрения. Ты знаешь, я ведь тоже хочу выпускать в мир огромное количество информационных потоков, я хочу создавать множество информационных потоков. К тому же, ты не должен обижаться - я записываю на диктофон вообще очень многие разговоры, но...

Но в этот момент их разговор был прерван.

КОНЕЦ ОТРЫВКА

Официальный сайт писателя Глеба Станиславовича Соколова
<http://glebsokolov.ru>

Книги, биография, фото, новости - все о писателе Глебе Станиславовиче Соколове